

## Романтики уходят

С одной стороны, свято место пусто не бывает, а с другой — почему-то в жизни всегда есть место подвигу. Значит, это не то место, которое хотелось бы занять каждому. Это место избранных

Последнее время я не очень хорошо вижу буквы, и экран монитора как-то расплывается. Но все яснее и четче видно одно общественное явление, которое, как мне кажется, почти не замечают другие — романтики уходят.

Вот уже много лет они уходят от нас — один за другим, один за другим, и кажется, что все быстрее и быстрее, и не заметно никого, кто бы приходил... Как понять это, с чем хотя бы сравнить это явление? С капризами погоды? С вертикалью власти или со скачущим долларом? С реформами и инновациями? Можно, конечно, с тем, можно с другим — для большинства все эти явления часто непонятны, а значит — безразличны.

Все события нашей жизни делятся на две части — те, которые происходят где-то, и те, которые происходят со мной. Это разные и неравные части. Иногда они, как сосуды, перетекают друг в друга и все же остаются разными. Но... романтики уходят — это происходит где-то или в каждом из нас?

Мне кажется, то, что романтики уходят, — это явление иного, цивилизационного порядка. Культура создает идеи, вещи и социальные явления, к которым цивилизация еще не готова. Цивилизация, как новорожденный ребенок, которому очень мешают руки и ноги, она норовит ими то в ухо, то в глаз заехать — она еще не знает, что с этим делать. И у культуры нет иной участи, кроме как ждать: ждать, пока цивилизация не сможет поднять себя за волосы до этого нового уровня культуры. Романтики — это то, к чему общество всегда не готово. И это то, что нужнее всего каждому из нас.

Чтобы определить это понятие, нужно бы отделить его от смежных понятий — мечтатели, фантазеры и т. д. В обыденном нашем сознании мы воспринимаем романтизм как нечто оторванное от повседневной реальности, искусственное, эфемерное. Может быть, это и так. А может быть, и нет. Вопрос: «Что и от чего оторвано?»

Мы знаем романтиков по литературному направлению, по названию исторической эпохи. Это вроде как страдающие эгоисты, люди, не понимаемые обществом и не принимающие современного им общества. Но что стояло и что стоит за этим странным художественным образом? Взросление человечества, рост самосознания человека, признание себя самостоятельным «я». Еще даже не самостоятельным, но уже самостоятельным. И если раньше человек в своей деятельности всегда был исполнителем чьей-то воли (племени, рода, общества, цеха, бога — не важно), то романтик — это новый человек, который теперь заявляет о существовании своей воли, своего права и своей ответственности за то, что делает именно он.

Как возможно, чтобы отдельный, маленький человек изменял ход большого общественного процесса, чтобы индивидуальное «я» накладывало свой отпечаток на общественную жизнь? Бред сумасшедшего нереализуем, аномалия всегда отторгается или разрушает все вокруг. Реализуется одна из действительных возможностей развития общества через деятельность индивидуального «я». Но для этого делать что-то надо. И это действие не по внешнему принуждению, а по внутренней необходимости. И это «что-то» — не повторение образцов, не воспроизведение системы или традиций, это свое, и в первую очередь — только свое.

С одной стороны, свято место пусто не бывает, а с другой стороны — почему-то в жизни всегда есть место подвигу. Значит, это не то место, которое хотелось бы занять каждому. Вот где много званных, но мало избранных. Романтизм — это место избранных. Каждого по-своему.

Но для этого они «ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои больные души». На них почти легализована охота. Их убивают наряду с банкирами, депутатами или отморозками, только способов их убийства гораздо больше, поскольку, в отличие от прочих, они плохо умеют защищаться. Защищать себя — это тоже работа. Но у них другая работа.

На каждой войне они самовольно уходят на помощь шестой роте. У них есть для этого собственная воля. У них есть для этого честь и совесть. Но уходят они навсегда.

День за днем, раз за разом мы превращаемся в функционеров, в детали, винтики, в менеджеров, предпринимателей, журналистов... Я не против функций. Я за. Но романтики уходят. Что нам остается без них? Груда домашней утвари со штампом — «Сделано в Малайзии», кучка разноименных и безликих богов да десяток никому не нужных идей, которые мы иногда зовем мировоззрением. Все лишается своего смысла, поскольку романтики и являются тем, что оживляет эту мертвую груду камней, это волшебная, связующая нить — соединение несовместимого: когда вдруг в отдельной жизни соединяются знания и вера, традиции и мысль, отчаяние и надежда, и даже вечная ирония допускает сострадание.

Когда-то фрекен Бок говорила: «По телевизору показывают жуликов и пьяниц! Ну чем я хуже?» — и было смешно. Теперь не смешно. Бандиты типичны. Преступления повсеместны. Воровство и предательство стали обыденным образом жизни.

Но что толку обличать людоедов? Их в избытке и у красных, и у белых, и даже у оранжевых. Тогда как будущее есть лишь у тех, кто среди гор оружия и ненависти сохраняет большую меру человечности. В конце концов побеждают те, которые приносят в мир идею нового уровня гуманизма. Политика простого обличения так же обречена, как и политика ограбления: и то, и другое деструктивно, тут победы не будет при любом оружии, национальности или партийной окраске.

Мне хочется спросить умных людей: как же так получается, что общество наше все еще существует? Если у нас нет ни системы общественных отношений, ни реальной государственной власти, если не работают социальные институты, — как? Не будем спорить с апологетами нынешнего правительства — их не переубедить, потому что там не убеждения, там другое, но все-таки — как? Или почему?

Вы помните руки своей бабушки? Я хорошо помню. Когда в 46-м в их колхоз пришла разрядка из района на одну медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», то всем миром решили сразу и единогласно — Шурке Нечаевой. Ее пальцы, суставы от ежедневных доек были деформированы до неузнаваемости. «Как же так?» — спрашивал я ее много лет спустя. «Так для победы же, — отвечала мне она, — бывало, плачешь от боли, а доить-то надо. Порой и не знаешь, чего в ведре больше: молока или слез». Вы можете-таки смеяться — но нас держат сейчас эти руки. Мне кажется, больше нечему. Больше в обществе ничего нет, дальше только мистика. Нас держат своими руками те, кто был убит подо Ржевом или на Сандомирском плацдарме. Нас держат мечты и надежды тех, кто «за любимым наркомом» шел защищать свой новый мир. Это их «длящееся настоящее» длится сейчас, в нашем разрушенном будущем вновь и вновь дает нам жизнь.

Это их стихи и песни спасают нас почти ежедневно. Нынешние песни не спасут наших детей, а те — пока еще спасают. Но теперь «в тебя царапнется шиповник, и — больше ничего». Потому что никого. Романтики уходят.

Печально, что в нашей стране романтиков уничтожали целенаправленно, я бы сказал — планомерно. Наверное, своей инакостью они постоянно создают некий дискомфорт окружающим. То был дьявольски практичный расчет — соблазнить идеей, заставить поверить в разумное и доброе, а потом отправить куда подальше — на целину, на БАМ, на новую войну или просто на 10 лет без права переписки.

А что? Жить-то «как все» они все равно не умеют, а всякая инициатива у нас всегда наказуема.

Уничтожали их, как химикатами: 70%, 80%, 99,9%... Но вот теперь они уходят сами, и уходят последние из них, и это уже совсем другое.

Романтики уходят — это значит, что уходят люди, верящие в людей. Остаются те, кто верит в бога или верит в деньги. Это полная чушь, это жизни, обреченные на самоуничтожение, потому что, по моему скромному разумению, бога нет, денег тоже нет — и то и другое есть лишь побочный символический продукт человеческой деятельности, человеческого ума, и без людей они не существуют. Другой человек — вот смысл всего. Но кому теперь нужны люди? Быть человеком — неразумно и даже немодно.

Мы их теряем — как маленькую черную бархатную брошку «Мажи Нуар» — в бесконечном чреве старого комода. Мы забываем их, как образ благородного мальчика с правильным пробором, в бесконечной тьме ушедших дней. Ты помнишь меня? Это я достал твой мяч из фонтана...

А давно ли вы утешали ребенка по старому стихотворному образцу: «Не плачь, не утонет в речке мяч»? Готов биться об заклад, что в лучшем случае — за пределами русского мата, в большинстве случаев будет другой принцип: «Не плачь, купим другой». Никто не полезет ни в речку, ни даже в фонтан ради копеечного мяча. Это очень правильно, очень расчетливо. Но вещи не имеют своего собственного существования там, за пределами человека. Если вещи лишаются своей не магазинной, а человеческой ценности, то затем и люди

становятся вещами.

Все мы с детства знаем, как ужасно плохо быть Плюшкиным. Гоголь создал яркий образ человека, старающегося использовать каждую осьмушку бумаги или вылавливающего мошек из наливки. Но да простят меня литературоведы и педагоги — в этом образе есть нечто очень человеческое. Нет, не жадность. Сосуществование с вещами. Плюшкин — это гипербола, это самый край практического отношения к вещам и к миру, но это еще не Гобсек, который готов уничтожить все на свете ради своей жажды наживы. Это значит, что практичность и алчность — разные качества человека, хотя между ними лишь шаг, и многие делают его незаметно для самих себя.

Чем больше мы идем по дороге практичности, тем ближе мы подходим к алчности и тем дальше мы от рациональности. Ум не практичен, а расточителен, он смотрит дальше наличной действительности, он ищет пути преобразования мира. А с точки зрения повседневности трата таких ресурсов очень обременительна, непрактична. Собственно, идеал практического отношения к миру — это бандит. Зачем тратить время и силы на производство чего-либо? Гораздо практичнее, эффективнее по затратам отнять готовое у другого человека. Как, например, золотые прииски во всех странах мира густо усыпаны костями работяг. Как, например, в нашей стране закономерно расцвело рейдерство. Практичное отношение к миру не только помогает оптимизировать наличные ресурсы, оно тактично подсказывает — другой человек вообще не нужен, «Боливар не вывезет двоих». Максимум — как временный работник или обслуживающий персонал.

Там, где безраздельно господствует практичность, там не остается человеческого.

Если бы поведение людей во время войны было практичным, то, боюсь, мы бы жили в Третьем рейхе. Если бы революции делались практичными людьми, то, наверное, как и предсказывал Энгельс, первое социалистическое общество родилось бы в Англии.

Идеал рационального, человеческого отношения к миру — это романтик. Потому что в простом усмотрении иной реальности много труда, но мало смысла, нужно сделать следующий шаг — объяснить это другим людям. И вот тут ум соединяется с безумием храбрых, рациональное знание — с наивной верой в лучшее, чистое созерцание — с тяжелой работой, изменяющей мир. Это и есть вечно нехоженная дорога романтиков, вынужденных всю свою недолгую жизнь балансировать между цинизмом сытых и фанатизмом обиженных, между слепотой мудрых и святостью неграмотных, между гранитным утесом власти и морем бьющихся за жизнь сограждан.

Мы дышим отравленным воздухом. А романтики живут только при свете истины и дышат воздухом правды. Потому что, «когда никто не фальшивит, тогда добро побеждает зло и справедливость торжествует».

Весь окружающий мир стал абсурден — потому что мы очень практичны. Мы все можем посчитать как угодно и отчитаться можем как угодно. Кому угодно? А вот кому что угодно, так мы и посчитаем. Вся социальная шизофрения и бесконечные симулякры — из всеобщей практичности.

Это качество разделило общество на противоположные группы по способу поведения — на абсолютных пофигистов и абсолютных исполнителей. Средний класс, конечно, тоже есть, но он, как и всегда в нашей жизни, не в счет. Два наилучших способа добиться успеха: один — ничего не делать вообще, повторять десятилетиями отработанные уже на уровне физиологии движения и тихим сапом, мелкой коммуникацией держаться за свой привычный круг, «по зернышку» улучшая свои бытовые условия; другой — беспрекословно, точно и быстро исполнять любое распоряжение начальства, быть в этой машине винтиком — но очень важным, инструментом — нужным, слугой — но почти что главным, а там уж отыграемся на всех тех, кто помельче. При этом совершенно не важно, как это приказание (или пожелание) соотносится с моралью, смыслом или чьим-то правом — для хорошего исполнителя воля начальства обладает безусловным приоритетом. Какой из этих способов жизни хуже — я не знаю. Оба.

Вот так по сути хорошее человеческое качество «практичность», продолженное за свою бытовую границу, искажает другие, не менее хорошие качества, и убивает социум. Свободолюбие, самостоятельность, критичность превращаются в этом случае в «моя хата с краю». Верность, трудолюбие, аккуратность превращаются в «карающий меч пролетариата» или в безжалостную костлявую руку «свободного рынка», где исполнительные топ-менеджеры выводят за рубеж все активы страны, дисциплинированные управленцы повышают «управляемость системы», а послушные полицейские разгоняют обездоленных демонстрантов. Помню одну свою давнюю встречу с фантастически исполнительницей девушкой. Говорят, сейчас в своих изящных азиатских руках она держит всю свою страну. Ну и где оказалась та страна? Думаю, не там, где хотелось бы даже ей. Ведь «каждый видит, кто не слеп, что наша просвещенная столица — крупнейший

разбойничий вертеп!»

Вы не поверите — почти все людоеды вблизи очень милые люди, с ними о многом можно поговорить. Они могут быть даже очень вежливы с прислугой или иметь домашних животных, но это не мешает им оставаться людоедами.

Тут недавно все дружно «Аватара» обсуждали — уж не предатель ли главный герой, не появилось ли антинравственное искусство? Нет. В основе предательства всегда лежит простой практический расчет, его критерий — тот самый прагматизм. Предательством было бы согласиться на предложение полковника и отправиться на Землю за новыми ногами и новым счастьем, а наш герой «пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Тут что угодно, но не предательство. Однако если согласиться с этим критерием, то сколько же предателей во власти. Десятый круг ада должен давно стать безразмерным. Предать себя, предать страну, традицию, культуру, идею — не менять, а именно предавать, то есть, имея свои возможности действия, передать что-либо посторонней воле — легче легкого, потому что практично. Так проще, удобнее, выгоднее — здесь и сейчас, и думать об этом не надо.

Вот самая подлая установка — жить «здесь и сейчас». Даже звери так не живут, у них у каждого есть память, а у многих даже цели и ценности. Почему же человеку советуют быть одноклеточным?

Или вот еще — «работать, чтобы жить», как будто это лишь одна из физиологических функций, как будто вовсе не труд создает собственно человека. Возможно, броский перестроечный лозунг имел свой исторический смысл. Но никто же не заметил, какая страшная подмена произошла. Можно сказать, что мы дышим или мы потребляем, чтобы жить, но наша работа не есть лишь условие жизни. Работа и есть, собственно, человеческий способ жизни. И в этом смысле наша биологическая жизнь есть лишь основание человеческой, да, мы живем, чтобы работать, чтобы создать себя и реализовать себя в труде. И только после этого, в результате этого наша жизнь может стать разнообразной, наполненной и не равной работе.

Рискнем признаться хотя бы себе? Ну кто из нас ежедневно, трудно и счастливо занимается Делом? Не зарабатыванием (добыванием, отниманием, отмыванием, сохранением) денег, не надуванием щек и мыльных пузырей, а реальным делом, которым можно гордиться? Наверное, большинство из тех, кто выращивает хлеб или дежурит в реанимационных, не примут участия в этом опросе. Но, боюсь, что многие из них и не гордятся своей работой, а рассматривают ее как временную или считают себя неудачниками. Потому что таково общественное мнение:

*«Шустрый да быстрый — выйдешь в министры,  
С честью, с отвагой — станешь бродягой».*

Не хочу сказать, что нет исключений. Хочу сказать, что таково правило.

Как вам статистические данные о том, что Россия нынче занимает первое место в мире по подростковому суициду? Большая ложь, как и всякая статистика? Напротив, это суицид, причем в самых разных формах, происходит от большой государственной лжи. Каждый наш двенадцатый подросток совершает зарегистрированную попытку самоубийства, и, к несчастью, многие попытки удаются. Вы думаете, что так уходят прагматики? Нет, это означает, что в нашей жизни нет даже возможности для появления новых неравнодушных людей.

Это ведь не просто они уходят из жизни. Это наша жизнь уходит от нас.

Наверное, можно в конце концов скрепя сердце согласиться с тем, что страна, в которой ты родился, потеряла свое имя. Можно согласиться со всеобщим безразличием к тому, как зовут ее президента — до царя далеко, — но нам, простым людям, с кем жить? С Гобсеками? С Чичиковыми? Кругом множатся мертвые души, мутанты, которые обладают способностью воспроизводства. И как нам жить? Кусками мяса? Компьютерными симуляторами? Записью в реестре акционеров?

И тут наша страна вполне в ряду прочих. Похожие проблемы в Америке, Европе. Мы чуть было не стали историческими свидетелями гибели великой китайской цивилизации, которой буквально несколько десятилетий назад удалось уничтожить не только всех своих птиц, но и романтиков. Это действительно чудо, что один из них сумел выжить, не сломаться, взять власть, ответственность и спасти страну. Но спасут ли ее сейчас «новые китайцы», прочно усвоившие современный прагматизм?

Поэтому временами появляются такие замечательные социальные проекты, как Сьюзен Бойл или Барак Обама: грамотно построенные, не какие-то там «стеклянные дома», а настоящие реалити-шоу — для того,

чтобы встряхнуть заскучавшую публику, напомнить ей о возможности иного. Но это всего лишь бизнес. Бизнес дает прибыль, но не рождает романтиков. Романтики уходят. Повсеместно.

Самое страшное, думаю я, что никто не знает, откуда они берутся, и почему романтики, как те самые нервные клетки, тоже не восстанавливаются. Они просто кончаются. Они уходят. И мне иногда кажется, что я, быть может, последний человек, кто смотрит им вслед и уход их ощущает почти что до боли.

**P.S.** Автор будет благодарен за любые суждения по существу рассматриваемой проблемы, высказанные ему лично по электронной почте: [avnechayev@yandex.ru](mailto:avnechayev@yandex.ru)

Автор: Алексей Нечаев, доктор философских наук © Новая газета ОБЩЕСТВО, МИР 👁 3533 01.07.2010, 13:07  
👤 349

URL: <https://babr24.com/?ADE=86869> Bytes: 18516 / 18491 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

[newsbabr@gmail.com](mailto:newsbabr@gmail.com)

Автор текста: **Алексей  
Нечаев, доктор  
философских наук.**

#### НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24\\_link\\_bot](#)

Эл.почта: [newsbabr@gmail.com](mailto:newsbabr@gmail.com)

#### ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: [bratska.net.net@gmail.com](mailto:bratska.net.net@gmail.com)

#### КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24\\_link\\_bot](#)

эл.почта: [bur.babr@gmail.com](mailto:bur.babr@gmail.com)

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24\\_link\\_bot](#)

эл.почта: [irkbabr24@gmail.com](mailto:irkbabr24@gmail.com)

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24\\_link\\_bot](#)

эл.почта: [krasyar.babr@gmail.com](mailto:krasyar.babr@gmail.com)

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24\\_link\\_bot](#)

эл.почта: [nsk.babr@gmail.com](mailto:nsk.babr@gmail.com)

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24\\_link\\_bot](#)

эл.почта: [tomsk.babr@gmail.com](mailto:tomsk.babr@gmail.com)

[Прислать свою новость](#)

#### **ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:**

---

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot\_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

#### **СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:**

---

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)